

5. Шефтсбери. Эстетические опыты. / М.Ф.Овсянников. - М., 1975. – 543 с.
6. Хогарт У. Анализ красоты. / М.П. Алексеев. - Л., 1987. – 256 с.
7. Boileau. Œuvres complètes / Introd. par A. Adam. P., 1979.
8. Brody J. Boileau and Longinus. Genève, 1958.
9. Spence S. Rhetorics of reason and desire. Ithaca, NY, 1988.
10. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. / В.Н Орлов. - Л., 1967. – 504 с.
11. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. Ч.1. СПб., 1802.
12. Майков В.И. Избранные произведения. / К.К. Бухмейер. - М.–Л., 1966. – 504 с.
13. Данько Е.Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина // XVIII век. Сб.2. Л., 1940. С.166–247.
14. Богданович И.Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. / Л.В. Бессмертных. - М., 2002. – 349 с.
15. Державин Г.Р. Избранная проза. / П.Г. Паламарчук. - М., 1984. – 400 с.
16. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II. Русская литературы второй половины века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. / В.Н. Топоров. - М., 2001. – 912 с.

УДК 82(100)

Коваль Н.Б.

(Днепропетровск, Украина)

НИЦШЕАНСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ АНДРЕ ЖИДА «ИММОРАЛИСТ»

У статті порушуються деякі аспекти впливу філософії Ф. Ніцше на творчість А. Жіда, які відображені у романі «Іммораліст». Відзначений діалог А. Жіда з німецьким філософом, який проявляється через аналіз жанрової мови, системи конфліктів та символіко-метафоричної образності.

Ключові слова: імморалізм, символ, мораль, свобода.

В статтє рассматриваются некоторые аспекты влияния философии Ф. Ницше на творчество А.Жида, которые отображены в романе «Имморалист». Выделен особый диалог А. Жида с немецким философом, который прослеживается сквозь призму анализа жанрового языка, системы конфликтов и символическо-метафорической образности.

Ключевые слова: имморализм, символ, мораль, свобода.

The article touches upon the aspect of influence of Nietzsche's philosophy on creation of A. Gide which is explicit in the novel «Immoralist». It also focuses on the dialogue between A. Gide and German philosopher, which is shown through the analysis of genre language, system conflicts, symbolical and metaphorical imagery.

Key words: immoralism, symbol, morality, liberty.

© Коваль Н.Б., 2011

Вопрос о влиянии Ницше на творчество А. Жида неоднократно затрагивался исследователями литературоведцами, но выражался чаще всего в форме отдельных замечаний или небольших работ, посвященных частным вопросам (в работах З. И. Кирнозе, А. И. Владимировой, Т. Мотылевой, Ю. А. Милешина).

Философия Ницше привлекала внимание А. Жид своей противоречивостью и двойственностью, она притягивала и отталкивала: «Влияние Ницше на меня? ... Я писал Имморалиста, когда я его открыл. Кто скажет, до какой степени он меня беспокоил?» [1: 99]. Андре Жид ставит вопросы, связанные с этическими нормами: правомерно ли существование морали в мире, где «Бог умер», есть ли место в этом мире «сверхчеловеку»? В мире, где «Бог умер» А. Жид воспроизводит различные грани мироощущения главного героя.

Идея смерти Бога, заявленная в известной работе «Так говорил Заратустра» (1883–1892), занимает особое место в творчестве Ф. Ницше. Здесь воплощается тот «пессимистический настрой», который окрашивает духовные искания переломного века, который определяет кризис эпохи. Ф. Ницше пытается встать «над моралью», провозглашая себя «первым имморалистом»: «в моем слове *имморалист* заключаются два отрицания. Я отрицаю, во-первых, тип человека, который до сих пор считался самым высоким, - *добрых, доброжелательных, благодетельных* - я отрицаю; во-вторых, тот род морали, который, как мораль сама по себе, достиг значения и господства, - мораль *decadence*, говоря осязательнее, *христианскую мораль*» [2: 762].

Замысел заглавия «Имморалист», ассоциативно связанный с творчеством Ф. Ницше формирует своеобразный диалог, что является существенным для понимания глубинного смысла романа.

В романе можно выделить несколько уровней восприятия. В первую очередь, это бытовой уровень: описывается история молодого человека Мишеля, который пережил тяжелую болезнь, туберкулез. После выздоровления меняется его мировоззрение, которое подспудно приводит к смерти его жены Марселины. На фоне бытовой истории постепенно проявляется философский, символический уровни, которые играют существенную роль в понимании идейного смысла романа.

«Имморалист» открывается эпитафией из Ветхого Завета «Славию тебя, Господи, что создал меня творением, таким восхитительным» [3: 227], который формирует своеобразный парадокс. Заглавие, заимствованное у Ницше, официально признающего себя антирелигиозным деятелем, критикующий христианство и эпитафия из Святого Писания входят в поле семантического несоответствия. Эпитафия приобретает двойной смысл: утверждение человеческого богоподобия, конечного торжества нравственности и знака скрытой иронической характеристики героя.

Эпитафия отсылает одновременно и к Библии, и к исповедальной французской традиции. «Исповедь» Августина открывается очень близкими по смыслу словами: «И славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих» [4: 469]. «Исповедь» Августина и «Имморалист» состоят из 13 частей. Августин родился в Север. Африке, «новое рождение» главного героя Мишеля происходит также в Африке. При внешнем сходстве вступления, содержание произведений значительно отличаются. Августин «причислен католицизмом к четверице важнейших «учителей Церкви». «От констатации темных

«бездн» души Августин пришел к выводу о необходимости божественной благодати, которая одна может вывести личность из греховной инерции и тем самым «спасти»...» [5: 18]. Резко выраженная противоположность содержания двух текстов обусловлена эмоциональной направленностью. В «Имморалисте» высокая духовная проблематика становления личности переводится на уровень обычных людей.

На время основного действия указывает письмо, датированное 30 июлем 189... годом, в котором описанные события произошли три года назад. Приблизительное совпадение с началом написания романа А. Жидом, план которого он вынашивал пять лет. Это время, когда уже были опубликованы и переведены на французский язык основные труды Ф. Ницше. Когда его основные постулаты о сверхчеловеке, воли к власти (мощи) будоражили умы выдающихся деятелей литературы и искусства рубежа XIX-XX веков. Роман вышел только в 1902 году (уже после смерти Ф. Ницше 1900).

Предисловие, письмо друга Мишеля, которые являются «рамкой» его исповеди, формируют своеобразный «эмоциональный тон» романа. Нравственная проблематика проявляется с самого начала романа. Первоначально в предисловии, где автор заявляет основную проблематику романа: «Если бы я вздумал выдать эту книгу за обвинительный акт против Мишеля, это мне удалось бы не лучше, так как никто не почувствовал ко мне благодарности за негодование, которое вызывал к себе мой герой ...» [3: 227]. Затем в письме друга Мишеля к своему брату: «Ах, что ты подумаешь о нашем друге. А что я сам о нем подумал?.. Просто ли мы осудим его, отрицая, что можно направить к добру свойства, которые проявляются во зле?.. Но я боюсь, что в наши дни найдется немало людей, способных узнать себя в этом рассказе» [3: 228]. И в то же время отсылает к Библии, обращение к брату имеет сходство с началом Евангелия от Луки (обращение к Феофилу, Лк., I, 3). Исповедь Мишеля открывается словами: «Я дошел до такого предела моей жизни, который я не могу переступить» [3: 231]. Высказывания выстраиваются таким образом, чтобы передать «предельную напряженность» и безграничное сомнение в правильности выбора главного героя. Описание «извне» переходит к описанию «изнутри». Надо отметить, что здесь намечается «элемент многоголосия», который будет ярко выражен в последующих романах А. Жида (особенно в романе «Фальшивомонетчики» (1924)).

Краткая предыстория Мишеля о своей жизни включает детство с пуританским воспитанием, его научную деятельность «Исследование о фригийских культах», смерть отца, женитьбу на Марселине. Вырванные из общей биографии Мишеля именно самые главные на его взгляд эпизоды жизни показывают те предпосылки, которые сыграли немаловажную роль в становлении новой теории главного героя. Пуританское воспитание в какой-то степени помогло противостоять болезни: «От моего пуританского детства у меня сохранилась ненависть ко всякой уступке слабости, я тотчас называл ее малодушием» [3: 235-236]. «Исследование о фригийских культах», которым он занимался, отсылает к древнему фригийскому культу богини Кибелы, которая несла в себе «темный, необузданный элемент хаоса».

Роман состоит из тринадцати глав, которые включены в три большие части, основное действие которых сначала происходит в Африке (Бискра, Тунис), затем во Франции (Париж, ферма Ля- Мориньер), и снова в Африке (Тугтурт). Выбор Африканских стран

по-своему оправдан, Франция была колониальной страной. Но в свете дальнейших событий романа выбор экзотической страны, где еще сохранены природные инстинкты, не утрачена связь с природой, приобретает символическое звучание.

Разрыв с прошлым миром символично представлен через пересечение главного героя со своей женой Марселиной морской границы, разделяющую Францию и Африку. Стихия воды становится переломным этапом духовного развития главного героя. «Мир — море», «воды людского сознания», «цепь рождений и смертей», представляемая в виде страшного и жестокого океана, является устойчивой библейской метафорой и то, что направление к пустыне также несет библейскую аллюзию, так как пустыня имеет обобщенный и иноказательный смысл, обозначая и отделенность от мира, и испытания, и утрату связи с Богом. Вписывается в дихотомический ряд Вода – Пустыня.

Происходит движение «вниз» по вертикальной оси: Франция (Марсель) – Африка (Эль –Джем, Бискра). По дороге в Бискру Мишель подвергается первым приступам болезни, позднее, как выявится, это симптомы туберкулеза. Реальная болезнь, туберкулез, которая носит роковой характер, трансформируется в мощный символ. События замедляются. Внимание сконцентрировано на африканских городах: Эль –Джем – начало болезни, Бискра – выздоровление. Происходит смещение акцентов: море - жизнь, пустыня – смерть, но затем пустыня трансформируется в новую (подлинную) жизнь. Болезнь становится фактором, в значительной мере формирующим экзистенциальное мироощущение. Приобретается сознательное осмысление значимости жизни, ее приоритета над другими человеческими ценностями.

Вводя героя в экстремальную ситуацию (на грани жизни и смерти), автор исследует природные, подсознательные инстинкты. Мишель, охваченный борьбой за выживание, лишается привычных жизненных критериев и традиционных ценностей. Основной целью становится – выжить любой ценой. Мотивацией к этому стремлению к жизни становится кровь арабского мальчика, который порезал палец: «Ах, как он был здоров! Вот во что я (Мишель) влюбился: в его здоровье» [3: 239.]. Собственная кровь Мишеля вызывает у него страх перед смертью: «Это была гадкая, почти черная кровь, что-то скользкое, отвратительное...» [3: 240]. Эта вытекающая из героя «дурная кровь» – залог его будущего перерождения, становления «нового» существа («nouvel être»). Просвечивается внутреннее напряжение, «завуалированная ирония» в процессе перерождения обыкновенного человека в «nouvel être» (l'Être parfait — Бог). С этого момента начинается новый этап в жизни героя. Рождается чувство, которое будет контролировать всю дальнейшую жизнь Мишеля. Это стремление к жизни усиливается эмоциональной выразительностью речи героя, которая достигается сменой интонации: «И вдруг меня охватило желание, жажда, какое-то более яростное, более настойчивое чувство, чем все, до сих пор испытанное мною: жить. Я хочу жить! Я хочу жить! Я стиснул зубы, кулаки, весть сосредоточился в безумном, отчаянном порыве к жизни» [3: 240].

Герой возвращается к реальной жизни с сознанием, что он «уже не был тем хилым трудолюбивым существом, которому подходила его прежняя суровая и ограничительная мораль. Это было больше чем выздоровление, это было приобретение, рост жизни, приток более щедрой и горячей крови ...» [3: 254]. Мишель формирует свою собственную программу выздоровления, где отправным пунктом становится пища. Наименьшее про-

явление препятствий на пути вызывает необузданный гнев Мишеля, который выливается на Марселину. Проявляются первые симптомы жестокости и эгоизма. А. Жид показывает каким становится человек, приняв схему мира без бога и стремясь этот мир перестроить в соответствии с велениями инстинкта и жадой жизни. Эмоциональным эквивалентом этого является озлобление, вспышки гнева, безудержная активность.

Болезнь приобретает дополнительные коннотации, демонстрируется не только физическое недомогание, усугубленное неизлечимой болезнью, но и так же нравственные трансформациями главного героя. История с кражей ножниц арабским мальчиком Моктиром (при этом Мишель наблюдает за ним через отражение в зеркале и ничего ему не говорит) становится сигналом нового мироощущения главного героя, где исчезает грань между «добром» и «злом». Здесь неадекватное поведение Моктира открывает отсутствие каких-либо моральных сомнений.

География передвижений главного героя значительно расширяется, как результат уже случившихся важнейших событий. Если в Бискре герой выздоравливает, то затем подробно не останавливается, однако фиксирует посещаемые страны и города в первой части Мальта - Сиракузы – Неаполь – Равелло – Соренто – Рим – Флоренция. Происходит движение «вверх», но вместе с тем и герой осознает тяжесть и невыносимость накопленных знаний, возрастает желание освободиться от этого «груза». Греческая культура (Сиракузы) сменяется римской культурой (Неаполь, Равелло). Усиливается страх смерти при виде греческих развалин, отдается предпочтение садам, символам растущей жизни.

Знаковым становится эпизод последней ночи в Бискре перед отъездом в Париж: «Было уже поздно; ни шума, ни вздоха; даже воздух казался заснувшим... (...) Я пришел в ужас от этого покоя и вдруг меня снова охватило в этой тишине возмущенное, утверждающее, отчаянное, трагическое ощущение жизни, страстное почти до боли и такое настойчивое, что я крикнул бы, если бы мог кричать, как зверь. (...) я взял книгу со своего стола, Библию, и открыл ее наугад; я прочел слова Христа Петру, слова, которые, увы, мне не суждено было забыть: «Теперь ты сам перепоясываешься и идешь туда, куда хочешь идти, но когда ты будешь стар, ты протянешь руки...» [3: 250]. Новый Завет, слова Христа Петру, Мишель интерпретирует в соответствии своими новыми убеждениями - это страх перед смертью, немощностью, зависимостью от других. Происходит пересечение библейских мотивов с нищенской философией. Луна, вой собак, Африка – символы, характеризующие темные силы, шаманство, и в то же время не истощаемую жажду жизни. Подтверждением этого становится своеобразная инициация Мишеля: трехкратное погружение в воду, в расщелине пещеры. Само слово «инициация», в переводе с латыни означает «войти внутрь» - т.е. инициация есть вход вовнутрь мудрости.

Вторая часть открывается возвращением в родовое поместье Ла-Мориньер. Известие о том, что Марселина ожидает ребенка, приводит в восторг Мишеля. На ферме сначала проявляется стремление править и властвовать, но со временем сменяется увлечением сыном управляющего Шарлем (притягивает молодость, энергия, запал). Первые проявления равнодушия к Марселине. В первой главе встреча с положительными героями. Божак, который представляет собой типичный образец управляющего поместьем, честно и преданно служащего своим хозяевам. Его сын Шарль представлен как тип молодого поколения, мечтающий о новых реформах и действенных преобразованиях в сельском

хозяйстве. Мишель проводит все свое время с ним, оставляя Марселину в одиночестве и как результат - первые проявления болезни Марселины.

Во второй главе Мишель с женой возвращается в Париж. Основные тезисы нового мышления он выкладывает в курсе лекций, которые читает в Париже. После первой лекции происходит встреча с Меналком (ассоциативная связь с главным героем романа «Яства земные»). Каждая встреча с Меналком становится роковой для семьи Мишеля. Первая встреча – ухудшение здоровья Марселины, вторая – смерть ребенка, третья – смерть Марселины.

При первой встрече Меналк возвращает Мишелю украденные ножницы со словами: «вы пытались перехитрить друг друга; но в этой игре дети нас всегда обыгрывают». При второй встрече вопрос Меналка: «Вы скоро ждете ребенка?» становится судьбоносным. Своим ответом Мишель как бы сам разрушает свою семью: «Я тоже по своему росту кроил свое счастье! - воскликнул я. - Но я вырос; теперь мое счастье давит меня; иногда я почти задыхаюсь в нем!» [3: 287]. Символически окрашенной становится эта встреча тем, что Мишель и Меналк пьют вино и закусывают пряниками. Встреча трансформируется в акт причащения. Вино и хлеб, символизирующие кровь и тело Иисуса Христа, употребляемые верующими христианами во время церковного обряда причащения, тем самым, по учению церкви, они становятся «стелесниками Иисуса Христа», «участниками божеского естества». Символично выбрано и время встречи - Рождественские каникулы. Последний разговор с Меналком приводит Мишеля к подтверждению его правоты в отношении морали. И совсем другим Мишель предстает на ферме в третьей части романа. Переход на новую ступень – теперь Мишеля ничего не связывает.

В третьей части события разворачиваются на ферме Ля- Мориньер. Ярко проявляется влечение к пороку. Мишель знакомится с младшим сыном управляющего Альсидом (полная противоположность Шарля): «Я встречался с Альсидом каждый вечер: мы ловили кроликов в большом количестве и даже раз поймали козулю; она была еще полу-живой... Я не могу вспомнить без ужаса радость, с которой убивал ее Альсид» [3: 299]. «Ибо человек - самое жестокое из всех животных» [6: 469]. Знакомство с семейством Хертеванов, фамилия которого несет яркую семантическую нагрузку (Heurtevent: heurter – грубо нарушать, оскорблять, портить, vent – воздух) занимает Мишеля больше, чем его собственная семья. Цепочка описанных событий приводит к выводам, которые вложены в уста Шарля: «Надо относиться серьезно к своим обязанностям и отказаться от игры с ними... или тогда не надо ничем владеть» [3: 303]. После этого разговора Мишель продает ферму. Дом, как основа благополучия, база для созидания теряет свою значимость в системе ценностей Мишеля.

Третья часть трансформируется в зеркальное отражение первой части, но несколько искривленное. Болезнь «вселяется» в жену Марселину, повторяется программа путешествия первой части, но в обратном порядке (Швейцария – Италия – Греция – Тунис). Движение вниз, и вместе с тем ухудшение состояния здоровья Марселины, и вместо ожидаемого Мишелю выздоровления приходит смерть. Марселине становится лучше в горной «честной» Швейцарии, но при переезде к «низу» Африке ее самочувствие ухудшается.

Возвращение в Бискру, где повторяется встреча с арабскими детьми, проникнуто еще неясно выраженными сомнениями главного героя: «Какая усталость, какие пороки, ка-

кая лень так обезобразили эти лица, на которых сияла юность? Какая черная работа так согнула эти прекрасные тела? Это - полное крушение...» [3: 315] Моктир только вышел из тюрьмы. «Ах, быть может, еще не поздно... Не остановиться ли мне? Я искал, я нашел то, что составляет мою ценность; это какое-то упорство, влекущее ко злу» [3: 316]. Повторяется эпизод перед первым отъездом из Африки в Париж: «Давно взошедшая луна заливают теперь всю террасу. Это почти страшный свет. (...) Я узнаю неподвижность пальм... Какие слова прочел я в тот вечер?.. Ах, да! Слова Христа к Петру: «Теперь ты сам препояшешься и пойдешь, куда захочешь...» Куда я иду? Куда я хочу идти? ... » [3: 316].

Поставив себе целью создать произведение о сверхчеловеке, А. Жид воплотил в «Имморалисте» мироощущение, которое формировалось, обозначил проблемы тревожного переломного времени, его противоречия и его конфликты. В Мишеле раскрывается сущность нового героя, с его безудержным желанием жить, которое, однако, его приводит к разочарованию и сомнениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Freyburger Henry. L'évolution de la disponibilité gidienne. - P., 1970. - 219 p.
2. Ницше Ф. Почему являюсь я роком Пер. Ю.М.Антоновского // Соч. В 2 т.т. М., 1990. Т. 2. - М.: Изд-во: «Мысль», 1996. - 829 с.
3. Жид А. Имморалист. // Французская эротическая проза. Сборник. Пер. с фр. – Спи.: «Продолжение Жизни», 2003. – 768 с.
4. Августин блаж. Исповедь // Августин. Творения. В 4- тт. Т. 1. СПб.; Киев, Алетейа, 1998. – С. 469-741.
5. Аверенцев Сергей. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверенцевой и К. Б. Сигова – Логос. Словарь. – К: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
6. Ницше Фридрих. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2005. – 848 с. (Антология мысли).